

Ю.С. Белянкин

**НЕИЗВЕСТНАЯ ПОВЕСТЬ О ЯВЛЕНИИ
КОРСУНСКОЙ ИКОНЫ В ЮРЬЕВЦЕ ПОВОЛЬСКОМ**

Iu.S. Beliankin

**THE UNKNOWN TALE OF THE APPEARANCE
OF THE KORSUN' ICON IN YUR'YEVETS POVOL'SKY**

Аннотация. «Повесть» о явлении Корсунской иконы Богоматери в Юрьевце Повольском — неучтенный в библиографии исторический и литературный памятник раннего Нового времени. Известная ныне в единственном экземпляре рукопись выявлена нами в московском библиофильском собрании и имеет большую ценность, во многом благодаря близости ее датировки — конец XVII в. — ко времени описанных в ней чудесных событий. Вновь открытая «Повесть» о явлении Корсунской иконы многое добавляет к истории почитаемых святынь Юрьевца Повольского, прославившегося в XVII в. Юрьевец — знаковое место на исторической и литературной карте, связанное с именами Симона Юрьевецкого, протопопы Аввакума, изографа Кирилла Уланова. «Повесть» типологически сходна с другими подобными сочинениями XVII столетия, однако каждое из них по-своему уникально и тесно связано с локальной иеротопией и историческими реалиями. На сегодняшний день память о Юрьевецкой иконе утрачена и оставила след только в рассматриваемой рукописи, что еще больше повышает научную ценность этой археографической находки. Сама церковь, в которой произошло чудо в 1695 г., описываемое в данной «Повести», не сохранилась, однако на ее месте поныне находится действующая церковь XIX в., с тем же посвящением и, по-видимому, сменившая деревянную церковь XVII в. Всё это позволяет более осязаемо представить описанное в «Повести». Уникальность Юрьевца как места действия тех событий еще и в существовании там другой особо почитаемой богородичной иконы — списка с чудотворной Иерусалимской иконы письма Кирилла Уланова, подвизавшегося в располагавшейся в самой ближайшей округе Юрьевца Кривоезерской пустыни. На сегодня Юрьевец лишен практически всех своих сакральных объектов, что отчасти восполняется обнаружением изучаемого списка «Повести» о чуде 1695 г. Это произведение анонимно, что является одной из важных исследовательских перспектив в отношении «Повести».

Белянкин Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, Российская государственная библиотека

Beliankin Iurii Sergeevich, PhD Candidate in History, Head, Highly Valuable Collections Research Department, Centre for Research on Library Development in Information Society, Russian State Library

+7-926-603-32-10; bys86@yandex.ru

Ключевые слова: Юрьевец, икона Богородицы, рукопись, археография, явление иконы, древнерусская книжность.

Abstract. The *Tale* of the appearance of the Icon of Our Lady of Korsun' in Yur'yevets Povol'sky is an Early Modern historical and literary monument that has been overlooked in the bibliography. We have found its only manuscript in a Moscow bibliophile collection. It is of great value, largely due to the proximity of the date of its compilation, the late 17th century, to the miraculous events described in it. The *Tale* of the Appearance of the Korsun' Icon contributes to the history of the revered objects in Yur'yevets, which became famous in the 17th century. Yur'yevets is a key place on the map of history and literature and is connected to the names of Simon of Yur'yevets, protopope Avvakum and icon painter Kirill Ulanov. The *Tale* is typologically similar to some other works of the 17th century, and each of them is unique in its own way and closely linked to local hierotopies and histories. The memory of the Yur'yevets icon has been lost and only left a trace in the manuscript in question. The 17th-century wooden church, where the miraculous appearance of the Korsun' Icon took place in 1695, has not been preserved, but the 19th-century Orthodox church with the same dedication stands on its place. All this allows for a more tangible representation of what is described in the *Tale*. Yur'yevets is also unique due to the presence here of another especially revered icon of the Mother of God, a replica of a wonderworking Jerusalem icon by Kirill Ulanov, who lived in the neighbouring Krivoyezerskaya desert. Yur'yevets is nowadays devoid of almost all its sacral objects, and the manuscript of the *Tale* helps to shed light on one of them. The anonymity of this text gives a perspective for further research.

Keywords: Yur'yevets, the icon of Our Lady, manuscript, archaeography, appearance of the icon, Old Russian booklore.

* * *

Юрьевец Повольский — один из важнейших центров Костромской земли, связанный с целым рядом важных для истории Русской Церкви и агиографии личностей и событий. Существенным дополнением к истории местночтимых святых и праздников служит выявленная нами неизвестная рукопись XVII в. с «Повестью» о явлении иконы Богородицы Корсунской в Юрьевце Повольском¹. Это литературное произведение находится в ряду подобных же памятников XVII в., связанных с темой Богородичных икон, явление которых в тех или иных местностях неоднократно фиксировалось в письменных источниках после чудесных событий². Среди них

¹ Собрание М.С. Бышева (г. Москва). Выражаю признательность Н.А. Мерзлютиной за консультации. В рукописи содержится только изучаемый список «Повести».

² См.: Шалина И.А. Богородица Эфесская — Полоцкая — Корсунская — Торопецкая: Исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 200–251; Власов А.Н. Сказания о чудотворных иконах Устюжского края XVI–XVII вв. // Книжные центры Древней Руси: XVII век.

«Чудо о иконе Богоматери Корсунской Торопецкой» (вторая половина XVII — XVIII в.), известное в единственном списке середины XVIII в., но отсылающее к событиям Смутного времени; «Чудо о иконе Богоматери Одигитрии Пустынской», являющееся памятником устюжской литературы, по-видимому, конца XVII в.; «Сказание о иконе Богоматери Казанской в Вологодском уезде на Святой горе» (вторая половина XVII в.); «Сказание о иконе Богоматери Тихвинской в Цивильске» (конец XVII в.); «Сказание о иконе Богоматери Казанской Ломовской» (вторая половина XVII в.). Практически все перечисленные памятники сохранились в единичных списках и при этом — не синхронных описываемым в них событиям. Тем выше ценность, как будет показано ниже, обнаруженного нами списка. Более распространено в рукописной традиции «Сказание о иконе Богоматери Страстной» (середина XVII в.) и «Сказание о иконе Богоматери Царевококшайской» (вторая половина XVII в.).

В XVII — начале XVIII в. почитание местных и общероссийских Богородичных икон активизируется, появляется целый ряд литературных памятников в разных регионах, посвященных чудесам и явлениям местных икон. Известны монографические рукописные сборники, связанные с Богородичными иконами, как, например, сборники «Солнце пресветлое» с несколькими десятками текстов и миниатюр, посвященных русским иконам Богородицы, известным и почитаемым в разных местностях на тот момент³. Более частный пример — сборник второй половины XVII в. «Солнце умное», посвященный единственной, Тихвинской, иконе Богоматери, одной из наиболее почитаемых в России, интерес к которой значительно вырос в XVII в., что отразилось и в литературном творчестве эпохи.

С Юрьевцем Повольским связан и другой литературный памятник того же XVII в. — Житие Симона Юрьевецкого, вероятно, относящийся ко второй половине XVII в., о чудотворении от гробницы которого стало известно в 1635 г. Однако официальное церковное почитание Симона впоследствии так и не было введено вплоть до наших дней. На противоположном от Юрьевца берегу Волги находилась Кривоезерская пустынь, в которой в начале XVIII в. подвизался знаменитый изограф Оружейной палаты Кирилл Уланов, много сделавший для развития художественной культуры как самого

СПб., 1994. С. 215–244; Буланин Д.М. Сказание о иконе Богоматери Тихвинской в Цивильске // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Ч. 4.* СПб., 2004. С. 595; Нечаева Т.В. Два малоизвестных видения в нижегородской литературе XVII в. // *Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 4.* М., 1992. С. 65–68.

³ *Зименко Е.В. Кобяк Н.А. Комашко Н.И. и др. Солнце пресветлое. Русский свод сказаний о богородичных иконах. В 2 кн.* М., 2020.

Юрьевца, так и соседних Нижегородских земель (город расположен на правом берегу Волги напротив устья реки Унжи). Бытование в прошлом изучаемого списка «Повести» о Юрьевецкой иконе связано, судя по провенансу, с очень близкой территорией — городом Кинешма. Можно предполагать, что список не покидал региона первоначального создания за время своего бытования.

Под наименованием Корсунской иконы Божией Матери в Русской Православной церкви почитается как образ, относящийся к иконографическому типу «Одигитрия», так и икона древнего иконографического типа «Елеуса». Судя по сведениям выявленной рукописи, обретенная в Юрьевце святыня принадлежала к первому типу, к которому принадлежит также чтимая Торопецкая икона Божией Матери. История этого образа известна с рубежа XVII–XVIII вв., когда было написано первое сказание о нем⁴.

Большую известность в начале XVIII в., т.е. в то же время, когда в Юрьевце началось почитание Корсунской иконы, приобрела находившаяся вблизи Юрьевца Кривоезерская пустынь. Это было связано с появлением в ней инока Корнилия, в миру Кирилла Уланова (сам он родился в Юрьевце или Костроме). Благодаря Уланову в пустыни появилась икона Божией Матери, именуемая Иерусалимская, которая является списком с чудотворной иконы Иерусалимской Божией Матери. Более того, в середине XIX в. Кривоезерский список Иерусалимской иконы письма Кирилла Уланова был отмечен особым почитанием жителей Юрьевца, которые получили его из обители для спасения от пожаров. Таким образом, Юрьевец стал центром бытования и местного почитания сразу двух чудотворных икон, появившихся практически в одно время.

Рассматриваемый список «Повести», по-видимому, единственный известный на сегодняшний день, датируется по филиграммам временем, весьма близким описываемым событиям — концом 1690-х гг. Освещаемое в «Повести» обретение в Юрьевце Повольском иконы Божией Матери Корсунской, как указано в тексте, произошло 23 октября 1695 г. в правление царей Иоанна и Петра Алексеевичей при патриархе Адриане, на память апостола Иакова. Оригинальное название рукописи: «Повесть или сказание известное о явлении и обретении чудотворного образа пресвятой нашей Богородицы Одигитрии, нарицаемой Корсунской», за которым следует вступление: «Вещь предивну и чудну и страха и ужаса исполнену хошу вам поведати братие...» (л. 1). «Повесть» отличается фактографической точностью, что должно было устранить сомнения в досто-

⁴ Древняя чудотворная Торопецкая икона Богоматери Одигитрии хранится ныне в подмосковном храме святого Александра Невского в Князьем озере.

верности описанного. Икона находилась в сосуде, выкопанном на месте сгоревшей в 1666 г. Христорождественской церкви; существующий ныне храм Рождества Христова в Юрьевце был построен около 1815 г.

В Статистическом описании соборов и церквей Костромской епархии 1863 г., составленном протоиереем Иваном Беляевым, указывается, что каменная Рождественская церковь с каменной колокольной построена в 1815 г. и имеет три престола — Рождества Христова, Рождества Богородицы и мучеников Бориса и Глеба⁵. Эта же информация повторена в Известиях Императорской археологической комиссии за 1909 г.⁶ Только в Кратких статистических сведениях о приходских церквях Костромской епархии, изданных в 1911 г., приводится двойное посвящение придела — Корсунской иконе Богородицы и мученикам Борису и Глебу⁷. В Писцовой книге 1676 г. говорится, что на погосте рядом с Тихвинской церковью «почата церковь рубить внове, во имя Рождества Христова»⁸. Эти сведения позволяют констатировать, что послепожарную деревянную церковь, вокруг которой сосредоточено действие «Повести», начали возводить в 1676 г.⁹ «Повесть» имеет трехчастную структуру: авторское вступление, основная (историко-документальная, с описанием канвы событий) часть и заключительная молитвенно-прославляющая.

Вопрос об авторстве «Повести» остается открытым, сведения о чуде 1695 г. в исторической памяти Юрьевца, к сожалению, исчезли (неизвестно также, является ли исследуемый список оригинальным авторским списком). Из напоминаний о том событии остается посвящение придела Христорождественской церкви, зафиксированное лишь в Кратких сведениях 1911 г. В самом тексте изложение следует от первого лица, однако повествователь не оставляет каких-либо существенных сведений о себе. В предисловной части обнаруживаются лишь этикетные фразы, как-то: «...да даст ми разум на отвержение

⁵ Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863.

⁶ Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 31 (Вопросы реставрации. Вып. 3). СПб., 1909. С. 278.

⁷ Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Кострома, 1911. С. 235.

⁸ Писцовая и Межевая книги по гор. Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободе. Приготовлены для печати Н.Н. Виноградовым // Костромская старина. Вып. VII. Издание Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Кострома, 1912. С. 26.

⁹ Информацию о храме см. в статье: Мерзлютина Н.А. Каменные церкви Юрьевца конца XVIII — первой четверти XIX века // Владимирские чтения. Вып. II. М., 2017. С. 22–35.

недостойных уст моих <...> а начати же сказание боюся яко невежда сый и неискусен на дело сие великое от грубости моего неразумия» (л. 1 об. — 2). Так повествователь обращается к Богоматери, чьему образу посвящена «Повесть», и взывает о помощи в своем деле — написании текста «Повести».

Основная часть «Повести» начинается с того, что необычное свечение во время богослужений в построенной на пожарище новой деревянной Рождественской церкви наблюдала приходившая туда нищая, «житием и нравом препростая» Ксения. Неудивительно, что чудесное явление, согласно «Повести», было дано увидеть именно ей. Свечение исходило из-под плиты в алтаре. Это явление она наблюдала и из келии некой вдовы Феодоры, у которой жила при церкви. Феодора, однако, не обладала таким «оком чистым» и благочестием, и потому этот нетварный свет ей был недоступен. Кроме того, свет было дано наблюдать, что тоже объяснимо, ребенку, юной Ефросинии, также жившей при церкви. Как замечает повествователь, всем остальным подобное было недоступно: божественный затмился свет «человеческим недоверием».

Все эти явления, в силу маловерия окружающих, оставались скрытыми до тех пор, пока не «прииде время совершенного откровения, егда благоволи сама царица небесная явити свое дражайше всего мира и неоцененное сокровище» (л. 8 об.). Чудесные явления стали настолько очевидными, что на рассказы Ксении последовала реакция «екклесиарха» (по-видимому, пономаря) Рождественской церкви Лукиана. Но и здесь повествователь вставляет нравоучительный элемент, заключающийся в демонстрации духовной слепоты Лукиана, в первую очередь подумавшего о земных сокровищах, на которые наводит странное свечение. Он «уязвися тленного богатства желанием <...> и забы Богом реченного ищите прежде царствия Божия и правды его» (л. 9). После извлечения из земли сосуда Лукиан раскрыл «мнимое сокровище», которым оказалась икона, прикрытая пеленой «киндяшной». Подобно Саулу, искавшему «осляти», а обретшему царство Израильево, иерей искал тленное, а обрел нетленное. Он устыдился и ужаснулся случившемуся, сняв пелену и лицезрея икону, «паче электра сияющую». Ночью Лукиан, скрываясь от местных жителей, перенес икону в Рождественскую церковь, «ничто же сокровенно еже не открытается» (л. 10 об. — 11). Повествователь проводит параллель с евангельской притчей о талантах, сокрытых в землю. Осознав свое прегрешение, Лукиан обращается к клиру Рождественской церкви и прихожанам с просьбой совершить «всенародное молебное пение» и всенощное бдение, чтобы простилось его постыдное поведение.

Чудесное явление иконы воспринимается автором «Повести» как «похвала граду нашему Юрьевцу» и «твердое ограждение» его. Лукиан припадал к иконе со слезами умиления. Через несколько лет (точный срок не указан, однако он был коротким) последовало еще одно чудесное событие. Икону было решено обновить, покрыв олифой. С этой целью икону передали костромскому иконописцу Василию (к сожалению, дано только имя, поэтому идентификация его с реальным костромским изографом затруднительна). Выбор неудивителен, поскольку Кострома в начале XVIII в. являлась одним из крупнейших иконописных центров (в это время, в частности, там начал свою деятельность известный впоследствии изограф Василий Никитин Вошин-Чудовский). Однако после «реставрации» икона совсем потемнела и изображение фактически исчезло, что привело в смятение местных жителей. По всеобщему решению на этот раз юрьевецкий иконописец счищает новую олифу, что позволило чудесным образом вернуть икону в прежнее состояние. Кроме того, был изготовлен список с чудотворной иконы с изображением момента ее чудесного обретения. После этих событий чудеса от иконы продолжались. Точно указано место, куда была водворена чудотворная икона в иконостасе Рождественской церкви: «Подле олтаря кадилнаго на десной стране двери царския на месте всеми видима яко солнце сияющи». Согласно «Повести», икона была расчищена от загрязнений и заключена в серебряный с золочением оклад: «...Потом же советом народа общаго <...> поставлена бысть та икона в церкви Божия Матери» (л. 15). Основная часть текста заканчивается пространственным обращением к иконе Богоматери о покровительстве «скипетроносному граду Москве и граду Юрьевцу». К сожалению, судьба чудотворной Корсунской иконы из Юрьевца в настоящее время неизвестна.

Заключительная часть рукописи, следующая за основным текстом «Повести», что традиционно для подобных литературных произведений, — гимнографическая и представляет собой «Благодарение Божьей Матери за неизреченную Ея к нам милость и благодеяние», акцентирующее внимание на необходимости почитания Богородичных торжеств и праздников.

В числе задач дальнейшего изучения «Повести» — возможный археографический поиск других списков, а также исследование судьбы чудотворного списка Юрьевецкой иконы по писцовым и переписным материалам XVIII–XIX вв., а также определение круга потенциальных авторов «Повести». Изученный выше текст, наряду с Житием блаженного Симона, представляет собой чрезвычайно важный памятник на сакральной «карте» Юрьевца Повольского.

References

Belayev I. *Statisticheskoye opisaniye soborov i tserkvey Kostromskoy yeparkhii* [Statistical Description of Cathedrals and Churches of the Kostroma Diocese]. Saint Petersburg: Tipografiya Pochtovogo departamenta, 1863. 358 p.

Bulanin D.M. *Skazaniye o ikone Bogomateri Tikhvinskoy v Tsvil'ske* [The Tale of the Icon of Our Lady of Tikhvin in Tsvil'sk] // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. XVII v.* [Dictionary of Scribes and Books of Old Rus'. The 17th Century]. Part 4. Saint Petersburg: Nauka, 2004. P. 595–597.

Merzlyutina N.A. *Kamennyye tserkvi Yur'yevtsa kontsa XVIII — pervoy chetverti XIX veka* [Stone Churches in Yur'yevets in the Late 18th and First Quarter of the 19th Centuries] // *Vladimirovskiy chteniya*. Issue II. Moscow: [s. n.], 2017. P. 22–35.

Nechayeva T.V. *Dva maloizvestnykh videniya v nizhegorodskoy literature XVII v.* [Two Little-Known Visions in Nizhni Novgorod Literature in the 17th Century] // *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Col. 4. Moscow: IMLI, 1992. P. 65–72.

Shalina I.A. *Bogomater' Efesskaya — Polotskaya — Korsunskaya — Toropetskaya: Istoricheskiye imena i arkhetyp chudotvornoy ikony* [The Mother of God of Ephesus — Polotsk — Korsun' — Toropets: Historical Names and Archetype of the Wonderworking Icon] // *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevney Rusi* [The Wonderworking Icon in Byzantium and Ancient Rus']. Moscow: Martis, 1996. P. 200–251.

Vlasov A.N. *Skazaniya o chudotvornykh ikonakh Ustyuzhskogo kraya XVI–XVII vv.* [Tales of the Miracle-Working Icons in the Ustiug Region in the 16th–17th Centuries] // *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi: XVII vek* [The Book Centres of Old Rus': The 17th Century]. Saint Petersburg: Nauka, 1994. P. 215–244.

Zimenko E.V., Kobyak N.A., Komashko N.I. et al. *Solntse presvetloye. Russkiy svod skazaniy o bogorodichnykh ikonakh* [The Sun Most Bright. A Russian Collection of Tales about the Icons of the Blessed Virgin]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: PAN Press, 2020. 645 p.

Поступила в редакцию
20 сентября 2021 г.